

**ВАДИМ
УДИЛОВ**

ТЕРАКТЫ И ДИВЕРСИИ В СССР

**СТОПРОЦЕНТНАЯ
РАСКРЫВАЕМОСТЬ**

Высшая школа КГБ. Профессиональные секреты

Вадим Удилов

**Теракты и диверсии в СССР.
Стопроцентная раскрываемость**

«Алисторус»

2011

Удилов В. Н.

Теракты и диверсии в СССР. Стопроцентная раскрываемость /
В. Н. Удилов — «Алисторус», 2011 — (Высшая школа КГБ.
Профессиональные секреты)

Теракты с массовыми человеческими жертвами случались в центре Москвы и в относительно безмятежные советские («застойные») времена. Так 8 января 1977 на улицах столицы СССР и в московском метро прогремели три смертоносных взрыва, организованных подпольной группой армянских националистов во главе с Затикяном. В обезвреживании и разоблачении этой антисоветской террористической организации непосредственно участвовал автор представляемой книги, контрразведчик Вадим Удилов. Его мемуары в основном посвящены борьбе Комитета государственной безопасности с диверсантами, террористами, действовавшими на территории Советского Союза в 50–70-е годы XX века.

© Удилов В. Н., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Часть первая	5
Начало пути	5
Война	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вадим Николаевич Удилов

Теракты и диверсии в СССР.

Стопроцентная раскрываемость

Часть первая

По отцовским стопам

Начало пути

В 1988 году в городе Пржевальске Киргизской ССР одну из улиц назвали именем Николая Удилова. Это мой отец, чекист с 1917 года, о котором впервые было написано в республиканской газете «Советская Киргизия» накануне 50-летнего юбилея Октябрьской революции.

Николай Прокопьевич Удилов родился в 1896 году в городе Пржевальске. Мать его (моя бабушка), Христина Васильевна, имея на руках малолетнего сына Николая, вышла замуж за Васильева. Таким образом, все его братья, родившиеся позднее, носили фамилию Васильевых. Жили они в Пржевальске, за озером Иссык-Куль, недалеко от границы с Китаем. Жить отцу в детстве было нелегко. Тяжелую и грязную работу по уходу за скотом и по хозяйству отчим все время взваливал на него. Запрещал даже читать, чтобы не было перерасхода керосина. И в этой нелегкой обстановке отца все время преследовала мысль пристроиться где-нибудь так, чтобы получить образование. Но в условиях Пржевальска добиться этого малоимущему было почти невозможно.

Моя мама, тоже уроженка Пржевальска, вспоминает, что в то время был сильно развит детский труд. Она уже с 12 лет ходила трудиться на шерстомойку, а позднее, как и многие другие пржевальские дети, стала полоть опиум на землях, арендованных китайскими барышниками. Поэтому отец решил попытать счастья где-нибудь в большом городе и уехал в город Верный. Такое название носил город Алма-Ата до революции.

В Верном он благодаря своему упорству успевал и работать, и учиться. Его заметили и направили в специальную сельхозшколу. Видимо, там он попал под влияние социал-демократов большевистского направления, сторонником которых остался до конца своей жизни.

Во время Первой мировой войны Н.П. Удилова, как наиболее грамотного, направили в Ташкентскую школу прапорщиков. Но люди с военным образованием в то время были нужны не только царскому правительству, но и партии большевиков. Из материалов тех далеких лет у моей матери сохранился документ, из которого видно, что Н.П. Удилов являлся красногвардейцем-партизаном, то есть с первых дней Октябрьской революции, еще до создания Красной Армии, он с оружием в руках отстаивал завоевания трудового народа.

А знакомство матери и отца произошло при следующих обстоятельствах. Зимой 1920 года на территории Туркестанского края шла перепись населения, скота и имущества. Для ее проведения были привлечены и ученики старших классов Пржевальской школы, в их числе моя мать – Татьяна Светличникова, ее подруги Катя Шеленина, Женя Кучма, одноклассники Володя Юпатов, Виктор Кучма, Павел Шепелькевич и другие. Они проводили перепись в Шаркратлинском уезде Киргизии (ныне район Токтогульской ГЭС), где вспыхнуло восстание белых. Арестовав переписчиков, белые под конвоем отправили их в Нарын. Тюрьма в Нарыне оказалась переполнена, поэтому ребят, как менее опасных, разместили под охраной в здании местной школы. Было холодно и голодно. Арестованных никто не кормил. Ребят спасло то, что

они случайно нашли забытый кем-то мешок с сухим урюком. Им и питались. Через несколько дней в город ворвались красные части, среди которых был и чекистский отряд под командованием Николая Удилова. Всех арестованных освободили. Мою мать, у которой был хороший почерк, взяли на работу в Семиреченскую ЧК, где она познакомилась с Удиловым и вскоре стала его женой.

По воспоминаниям многих старых чекистов, друзей и соратников моего отца, участвовавших в становлении Советской власти на территории Киргизии, деятельность органов ВЧК в то время была пронизана большой личной ответственностью и самостоятельностью при принятии оперативных и даже политических решений. Особенно это проявлялось в первые годы Советской власти, когда отсутствовала должная централизация в работе из-за отвратительной телеграфно-почтовой и телефонной связи. Постоянное возникновение сложных и тревожных ситуаций заставляло наших старших товарищей руководствоваться в своих решениях революционной совестью и правосознанием, многое брать на себя, рассчитывая исключительно на свои силы. Именно таким, по воспоминаниям матери и сослуживцев, был мой отец. В подтверждение позволю привести выдержку из характеристики, данной отцу одним из соратников Ф.Э. Дзержинского, уполномоченным ВЧК по Туркестанскому ЦИК Эйхмансом:

«Товарища Удилова Николая Прокопьевича, занимавшего в последнее время должность начальника политбюро Андисанского уезда, знаю по совместной работе с ноября 1920 года, когда Удилов работал по ликвидации восстания. Благодаря энергичной и самоотверженной работе тов. Удилова все мятежники были выловлены и разоружены. По выполнению вышеуказанной задачи тов. Удилов был мною командирован в район расположения отрядов белогвардейского генерала Бакича, где провел исключительно крупную операцию по вылавливанию и разоружению белых шаек, за что тов. Удилов Реввоенсоветом Туркфронта был награжден орденом Красного Знамени (№ ордена 525).

В июле 1921 года тов. Удилов был переброшен прямо через горы из Семиречья в Фергану, где успешно работал по борьбе с басмачеством.

Тов. Удилов благодаря своей энергии, выдержке, точному исполнению возложенных на него задач является одним из лучших организаторов чекистской работы.

Ф. Эйхманс».

Моя мать, Татьяна Романовна, которая в то время уже работала в ВЧК, вспоминала. «Обстановка действительно подчас складывалась такая, что только незамедлительное решение и его исполнение могли отвести угрозу печальных последствий. Именно так сложилось при отходе белых в Китай. Отступая к границе, Бакич грабил банки и церкви, помимо этого вывозил фамильные драгоценности и антиквариат местных дворян. Его банды уже перешли китайскую границу. Бакич выехал в город Чугучак, чтобы договориться с китайской администрацией, где разместить свое белое воинство. В общем, через день или два было бы поздно что-либо предпринимать. Для связи с Центром требовалось не менее недели. И тогда чекисты совместно с частями Красной Армии провели исключительно дерзкую операцию по изоляции белогвардейского командования от основной массы войска и в максимально короткий срок вернули на советскую территорию часть войск вместе с беженцами и насильно угнанными. При этом удалось захватить награбленные Бакичем ценности. Золото, серебро, драгоценные камни, дорогие церковные оклады, картины мастеров мировой живописи и другие ценности были доставлены на нескольких бричках и сданы в казну».

Кстати, в это время с отцом произошел казусный случай. После разгрома отрядов Бакича хозяйственник из ВЧК решил заменить Удилову седло. До этого отец ездил на киргизском,

а тут подвернулось настоящее кавалерийское кожаное седло убитого в тех боях царского полковника. Около года использовал отец это седло, потом, несмотря на потник, лошадь стала почему-то набивать себе холку. Проверка показала: в седле было тщательно заделано более десяти крупных бриллиантов. Принимавший драгоценные камни в доход государства финансист сказал, что стоимость их почти равна цене всего отбитого у Бакича имущества.

Говоря о самостоятельности работы в первые годы Советской власти, хотелось бы провести небольшую параллель с сегодняшним днем. Ни для кого не секрет, что мы постепенно растеряли это ценное качество. Особенно в годы застоя, когда произошла чрезмерная централизация государственной власти и управления народным хозяйством. Все это оказалось на руку бюрократам и перестраховщикам. И сейчас, в период перестройки, можно кое-что позаминимствовать у тех, кто делал Октябрьскую революцию.

Однако вернемся к теме повествования и приведем выдержки из воспоминаний Татьяны Романовны об отдельных эпизодах из жизни моего отца:

«В 1922 году Удилов со своей опергруппой был переброшен снова в Пржевальск. Обстановка в этом районе требовала наведения революционного порядка, в частности, пресечения вооруженной деятельности басмаческих шаек, а также различных контрреволюционных группировок, спекулянтов и контрабандистов. Не чувствуя крепкой власти, они настолько распоясались, что почти в открытую производили свои преступные деяния, сочетая, например, контрабанду с поддержанием связи с белогвардейской эмиграцией, осевшей в Китае.

Как раз требовалось провести крупную операцию по пресечению указанной выше преступной деятельности. Такая операция удалась! В результате ее перехватили канал нелегальной связи с закордоном, а также крупнейшую контрабанду: на 45 лошадях везли 66 пудов чистого опиума, были также золото и серебро, но сколько – уже не помню. За изъятие такой большой контрабанды Удилов чуть не заплатил жизнью. Его, безоружного, днем подкараулили на лошадях бандиты и прямо на улице стали бить камнями со свинчаткой. Он уже ничего не видел, так как был весь залит кровью, когда я, будучи беременной на девятом месяце, выскочила на улицу и с криком бросилась к всадникам. Это их на мгновение остановило. Удилов успел забежать в дом, где сумел продержаться до приезда наряда местных чекистов».

Особо следует сказать о работе чекистов в Джаркенте – конечном пограничном пункте с Китаем. Начальником Джаркентской ЧК в двадцатые годы был латыш Федорелис. Именно к нему прибыла опергруппа, в которую входили киргизские чекисты: Удилов, Шурупов, Крот, Третьяков и Кучма. На группу было возложено особое задание. Переодевшись в офицерскую форму белой армии, они нелегально выехали в Китай, в район города Кульджа, где располагались воинские подразделения белой эмиграции. Как известно, благодаря деятельности таких групп были уничтожены злостные враги советской власти, в том числе атаман Дутов. Некоторых удалось тайно вывезти на нашу территорию. Мать вспоминала:

«А мы, их жены, сколько пролили слез... Пока они не приедут, мы буквально глаз не смыкаем, все ждем и ждем. Наши мужья работали, не имея ни выходных дней, ни отпусков. Не получали даже зарплаты, а только скудный продпак... С нами, женами, в то время не очень-то считались. Надо ехать – значит надо! Так мы с Удиловым и грудным ребенком выехали по заданию из Джаркента в Чилек. Это верст семьдесят. Жара стояла жуткая. Бричка в дороге все время ломалась. Пока чиним – стоим. Тут беда случилась: пролили воду. Напоить ребенка было нечем. Так и умерла наша первая доченька от безводья в дороге. Похоронили, поплакали и поехали по назначению. А ездили не по дорогам, а чаще по волчьим тропам, чтобы быстрее пройти через перевалы. Именно так мы, например, пробирались из Нарына в Джалал-Абад». (Сейчас там сооружен туннель).

Последний геройский поступок Удилов совершил на территории Ошской области, в Алайской долине. О нем подробно писала газета «Советская Киргизия» 1 и 3 октября 1967 года в большой статье под названием «Солдат Революции». Эпиграфом к ней были следую-

щие слова В.И. Ленина: «Мы победили потому, что лучшие люди рабочего класса и всего крестьянства проявили невиданный героизм в этой войне с эксплуататорами, совершили чудеса храбрости, перенесли неслыханные лишения, жертвовали собой...»

Эти слова вождя революции с полным основанием можно отнести к моему отцу – Удилову Николаю Прокопьевичу, для которого борьба за счастье народа была смыслом жизни. Он погиб трагической смертью от рук басмачей, когда сознательно пошел в бандитский стан, с тем чтобы избежать излишнего кровопролития. Он пытался убедить главаря банды Гаипа Пансата и его приспешников в бесперспективности борьбы с Советской властью и уговорить их к добровольной сдаче. Действовать таким образом ему приходилось неоднократно, поэтому и тогда надеялся на успех. В совершенстве владея киргизским, узбекским и татарским языками, хорошо зная традиции и обычаи киргизского народа, он умело использовал это в беседе с главарем.

Трудно сейчас, по истечении более 60 лет, восстановить истинную картину происшедших событий и понять, кто виноват в том, что басмачей, изъявивших желание к добровольной сдаче, вдруг встретили красноармейцы из засады пулеметным огнем. Уцелевшие бандиты сумели оторваться, захватив с собой связанного Удилова.

По показаниям пойманных впоследствии басмачей из банды Гаипа Пансата, Удилов был ими зверски замучен и еще живым брошен в костер. Позже у убитого басмача Алояра нашли орден и именные золотые часы Удилова.

Находясь в плену у басмачей, еще до расправы, отец совершил другой характерный для него поступок. Гаип Пансат после грабежей и убийств советских граждан удирил с бандой за кордон. На одном из перевалов его ждала засада – отряд пограничников. Бандит, видя, что не выдержит натиска, пытался завести переговоры с командиром пограничников, пытаясь якобы в обмен на Удилова выторговать себе проход за кордон. Перестрелка временно прекратилась. Вдруг из-за камней выскочил человек со связанными руками и закричал: «Товарищи пограничники! Я – Удилов. Гаип Пансат предлагает вам сдаться и оставить всех вас в живых и обещает отпустить меня. Не делайте этого! У него большие потери. Бейте гадов!...» В это время раздался выстрел, и мужественный человек упал. Пользуясь наступившей темнотой, бандиты все-таки ушли и увезли раненого Удилова.

Думаю, читателям понятно, как могла сложиться наша жизнь без отца в конце двадцатых – начале тридцатых годов. Тем более когда мать направили на восстановление отцовских связей с людьми, которые помогали ему ранее в чекистских делах, многие из которых затем осели на жительство в Китае, провинции Синьцзян.

Поскольку ранее мать всюду ездила вместе с отцом, она знала этих людей в лицо, а они знали ее, что создавало условия для восстановления с ними оперативного контакта. В то время в городе Кашгаре, провинции Синьцзян, открывалось советское консульство, куда мать была направлена то ли уборщицей, то ли кухаркой. И это несмотря на то, что носила она в то время два кубаря – звание, равное армейскому лейтенанту. Но так было сподручнее, так как посещение по хозяйственным делам базаров, магазинов служило отличным прикрытием для встречи с нужными людьми. На скромно одетую уборщицу мало кто обращал внимания.

Ну а мы, дети? Моя сестра пошла жить к тетке, а меня отправили в детский дом. Таких заведений, как суворовское училище или привилегированный интернат, в то время не существовало. Надо сказать, что мои детские годы – период общения с беспризорниками, хулиганьем, ворами, с одной стороны, и закаленными чекистами, товарищами отца, которые постоянно навещали меня в детском доме, общение с преданными делу революции, образованными энтузиастами-воспитателями, педагогами – с другой – оставили глубокий след в моей жизни, выработали характер и стиль поведения. Этот период научил меня безбоязненно общаться с представителями блатного мира. В то же время я активно включился в общественную жизнь.

Идеологическое воздействие партии, комсомола, школы в тридцатых годах было настолько сильным, что, выбирая свой дальнейший путь, не сомневался: пойду по стопам отца и матери. Хотя в то время пользовался уважением у блатных. Кстати, до сих пор у меня сохранились связи с бывшими ворами в законе, которых знаю с далекого детства. Да простит меня читатель, если покажусь нескромным, считая, что решение «завязать» некоторые из них приняли при моем участии.

Кстати, выйти из воровского круга, «завязать», в то время было достаточно сложно и опасно. С тех далеких лет сохранился в моей памяти куплет из блатной песенки, содержание которой ничего доброго не сулило. Вот эти слова: «Клянись, братишка, клянись до гроба дешевых людей не шадить. А если изменишь преступному миру, я буду безжалостно мстить...»

Вообще в 30-е годы в республиках Средней Азии, а возможно и по всей стране, гулял ореол блатной романтики. Многие молодые люди напускали на себя вид бывалых блатных парней и одевались по соответствующей моде: сапоги (по-блатному – колеса или прохоря) обязательно гармошкой, верх с небольшим отворотом, рубашка-апах из чесучи, кепка-восьмиклинка с маленьким козырьком или кованная тубетейка с кисточкой. Прическа с обязательной косой челкой на лбу. Отличительной чертой блатных считалась фикса – золотая коронка в верхней челюсти. У молодых людей, как правило, золота не было, но, как говорится, голь на выдумку хитра: занялись производством съемных «золотых» коронок из гильз для мелкокалиберных винтовок. И все же для большинства молодых, одетых, как я описал, больше подходило бытовавшее в народе: «Люблю блатную жизнь, но воровать боюсь!»

Забегая несколько вперед, хотелось бы провести некоторые параллели между преступностью 30-х и 80-х – начала 90-х годов. С большой долей уверенности могу утверждать, что среди воров-рецидивистов 30-х годов существовало правило: на дело с заранее «мокрым» исходом (убийством) не идти. Среди воров элиты считалось плохим тоном поддерживать связь с «мокрешником» и особенно с хулиганами, которых они попросту презирали.

Сегодня запланированные убийства с целью завладения имуществом никого не удивляют. На Северном Кавказе банда, возглавляемая неким Сажиним, совершила около 20 таких убийств. В этот ряд можно поставить убийство ветерана войны вице-адмирала Холостякова и его жены. А как назвать заранее запланированное убийство известной кинозвезды Зои Федоровой?

Жестокость и злоба вперемижку с наживой и алчностью – вот черты, присущие сегодняшнему преступнику. Быть может, мне так кажется, но блатной мир 30—40-х годов был несколько добрее и даже не лишен элементов романтики. В подтверждение сказанного приведу весьма характерный пример.

Как известно, в начале войны многие киностудии эвакуировались из западных районов в Казахстан и Среднюю Азию. В Ташкент съехались киноартисты, в том числе Петр Алейников, известный народу как Ваня Курский из кинофильма «Большая жизнь».

Однажды под хмельком во втором часу ночи он оказался в сквере, где увидел группу сидящих на скамейке людей. Подошел к ним и в ультимативной форме потребовал закурить, в противном случае пообещал набить морду кому-нибудь из присутствующих. Старший из группы, а это был известный в Ташкенте вор Лева Марсак, попросил Алейникова присесть. Неторопливо достал из внутреннего кармана старинные серебряные часы (по-блатному бимбар), открыл крышку и при помощи фонаря осветил циферблат.

– Потрудись, Ваня Курский, взглянуть на время. Так вот, ваше время кончилось два часа назад. Сейчас идет наше время, бандитское. Так что командовать разреши мне, – примерно такое произнес Лева.

– Ну и что ты возьмешь у меня? – спросил Алейников.

– У нас правило какое? «Гоп-стоп, что везешь? Дерьмо! Сваливай – мне все равно!» – изрек Лева и достал из кармана пачку папирос «Казбек», вложил ее в руку Алейникова и добавил: – Кури, Ваня, на здоровье! Ты нам нравишься...

И все же, несмотря на блатную романтику, пришло время выбирать свою дорогу в жизни. Время наступило суровое, и я решил пойти дорогой отца и матери. Однако, прежде чем стать чекистом, пришлось овладеть еще одной специальностью, поскольку началась Великая Отечественная война.

В армию я пошел добровольно, прибавив себе возраст. Майор, пожилой, на мой взгляд, мужчина, вызвав меня из строя новобранцев, спросил:

– В анкетных данных вы указали – ученик десятого класса. Правда это? – Да, товарищ майор.

– Идите в штаб. Вам дадут направление в танковое училище. Мы не можем так свободно разбрасываться людьми с таким высоким образованием.

В то время среднее образование, оказывается, считалось высоким. Так я стал курсантом 1-го Харьковского танкового училища.

Война

Когда в 80-х годах шло оформление моих документов на пенсию, один сверхбдительный кадровый начальник решил проверить правильность имеющихся в моем личном деле данных об участии в боях во время Великой Отечественной войны.

Из Центрального архива МО СССР пришло соответствующее подтверждение. Сотрудник отдела кадров снял с одного из архивных документов ксерокопию и отдал мне ее на память. Дословно привожу содержание этого документа:

Справка

Центрального архива Министерства обороны СССР Гор. Подольск Московской обл.

В приказе по бронетанковым и механизированным войскам 1-го Прибалтийского фронта № 035/н от 24.11.1944 г. значится:

...награждаю: орденом Красного Знамени... 5. Мл. лейтенанта Удилова Вадима Николаевича – ком. танка Т-34 танк. б-на, 79 танковой бригады 19 танк. корпуса. Основание: опись 690155, д.7023, л.1.

Содержание наградного листа: представлен к ордену Красного Знамени за то, что Удилов за период боевых действий с 7 по 10 октября 1944 года показал себя смелым и мужественным командиром танка Т-34. В борьбе против немецко-фашистских захватчиков первым ворвался в оборону противника и уничтожил своим танком 2 бронетранспортера, 4 пушки, 10 автомашин, 2 миномета, 4 пуляточки, а также захватил обоз с боеприпасами и другим военным имуществом.

Тов. Удилов своим танком подбил танк типа «Пантера» и, будучи в головном разведдозоре, своевременно давал сведения о противнике и его силах. Основание: опись 690155, фонд 33, д. 7023, л. 8.

Исп. Султанова, Соколенкова

Зам. начальника 3-го отдела майор Хамматуллин

4 мая 1984 года.

Память до сих пор отчетливо сохраняет различные эпизоды из боевых действий. Особенно такие, как разведка боем. Обычно для этого выделяли три танка, которые, ворвавшись на немецкие позиции, должны были вызвать огонь противника на себя, чтобы выявить и зафиксировать огневые точки врага и избежать таким образом при наступлении лишних потерь. Очень суровый тактический прием! Кто шел в боевую разведку, либо погибал, либо был ранен. Мне повезло. Более того, оставшись целым, в дальнейшем, прорвав фронт, я шел в головном разведдозоре, о чем и сказано в наградной реляции.

На фронте мне впервые пришлось столкнуться с представителями военной контрразведки – СМЕРШ. Прежде чем рассказать об этой встрече, хотелось бы вспомнить боевые будни танкистов с позиций рядового – чернорабочего войны.

Даже сейчас, на склоне лет, не стерлось из памяти чувство тревоги, волнения, которое испытывал перед каждым наступлением, в ожидании сигнала для перехода в атаку. Уверен, то же испытывали и мои боевые товарищи. Бойцы понимали, что не всем суждено вернуться из боя. Поэтому чувство товарищества, дружбы перед боем у танкистов достигало высшего пика. Даже теплота взаимоотношений близких родственников не могла сравниться с чувством к товарищам, которые рядом с тобой пойдут в атаку. Либо ты его, либо он тебя должен выручить в критическую минуту. Попробуй уклониться от этого неписаного священного закона в бою – расплата будет жестокой. Всеобщее презрение!

Перед боем особенно тепло относились к танкистам хозяйственники. С легкостью и без лишних объяснений пополнялся НЗ, менялись портянки, истрепанные шинели. Оружейники могли подкинуть в танк «лишний» ППШ. И чего греха таить, даже старшина батальона, всегда скрупулезно разливавший наркомовские сто грамм, перед боем доставал откуда-то разведенный спирт или водку, предлагая выпить каждому «по потребности».

Несмотря ни на что, я никогда не принимал перед боем спиртного. Сперва насильно, а затем по согласию забирал водку у механика-водителя и радиста. Только заряжающий, деятельность которого в бою связана с большим силовым напряжением, получал на зависть другим свою норму, чтобы поплотнее поесть, набраться сил. Поэтому в танковой трехлитровой фляге всегда водилась изрядная порция «горючего», которая сохранялась до вывода танкистов из боев на короткий отдых. Расчет был простой: пьяная удаля мешала в первые, самые ответственные минуты боя правильно оценить обстановку и действовать согласно ей. В оценке обстановки должны были принимать участие помимо командира механик, ведущий машину и выбирающий путь, командир орудия и радист, наблюдающие по курсу за огневыми точками врага. На трезвую голову реакция более быстрая, а действия – точные. Ведь игра шла не в «казаки-разбойники», а на жизнь и смерть!

В исходном районе в ожидании приказа люди тянулись друг к другу, собирались вместе. Всегда находились шутники, анекдотчики. Их рассказы отвлекали бойцов от тяжелых мыслей.

Сложнее всего было в последние перед атакой минуты. Экипаж в танке, всё готово к бою, каждый внимательно следит за командиром. Как он поведет себя? Нервничает, трусит или держится уверенно и спокойно? От него во многом зависит судьба членов экипажа. Ох как много усилий стоило мне, девятнадцатилетнему лейтенанту, сохранять, несмотря на тревогу в душе, состояние спокойствия и уверенности перед тридцатипятилетним механиком-водителем, бывшим трактористом Василием Тимофеевичем, и особенно перед сорокалетним, верующим в Бога заряжающим Нестором Шумковым. С остальными было легче – одногодки.

– Нестор Николаевич! А ты почему не бреешься три дня? Или уходишь от нас в монастырь, готовишься к священному сану? – примерно так начинал я разговор с заряжающим.

– А есть ли нужда в этом? Бог и так примет, – с надрывом, намекая на неизвестность судьбы, отвечал Шумков.

– Бог, может быть, и примет, а мы не можем. В армии положено быть бритым и с чистым воротничком, которого у тебя вообще нет. Сегодня же вечером после боя приказываю побриться и привести себя в порядок. Не то лишу тебя привилегии на единоличное потребление водки. В разговор, когда заходила речь о «наркомовских», обычно встречал Василий Тимофеевич, незлобно поругивая «некоторых» командиров, зажимающих «паек» бойца, вспоминал свою мужицкую силу, когда после сенокоса или уборки хлебов они с кумом вдвоем осиливали четверть самогона, ну а стакан спиртного для него всегда полезен, как молоко для его троих детей.

– Ладно, вечером, когда заправишь машину, подтянешь ходовую часть, может быть, и выдаст тебе твою норму радист Мишка (заведовавший НЗ), – отвечал я. Так вселялась уверенность в завтра. После получения сигнала на атаку волнение, как правило, проходило быстро. Проскочил траншеи своей пехоты, дал первый выстрел, застрочил пулемет радиста – дальше уже не до волнения. Хочешь выжить – действуй смело и быстро.

Танк – это не боец: в кювете, кустах, воронке не укроешься. Впереди тебя враг, затаившийся в окопах и блиндажах с орудиями, фаустпатронами. До него всего 600–800 метров пути, преодолеть которые удавалось не каждому. В то время среди танкистов, где я служил, существовало правило: прошел свои окопы – бей из всех стволов оружия без остановки, пока не ворвешься во вражеские позиции, а еще лучше – пока не доберешься до его артиллерийских батарей. Бывалые воины рассуждали так. Ничего, что танк качается и прицельности мало. Дал с ходу выстрел, снаряд не долетел до фрицевских окопов 50 метров – все равно немец покло-

нится земле, чтобы не получить в лоб случайный осколок. Выстрелил с перелетом, проскочил снаряд с воем над траншеей – всё равно свое дело сделал: инстинкт самосохранения заставит любого лечь на дно укрытия да еще переждать, не будет ли после третьего выстрела прямого попадания. Конечно, все это секунды, но секунды, выигранные в бою при сближении с противником, сохранили жизнь многим танкистам. О пулеметах и говорить нечего. Поливали огнем вправо и влево, поражая и отгоняя от танка вражескую пехоту.

Обычно на маршруте от окопов своей пехоты до противника, в зависимости от слаженности и мастерства экипажа, тратилось 15–20 снарядов и несколько танковых пулеметных дисков. Почти треть боекомплекта. Но главные события, как правило, были впереди. Это заставляло нас сверх боеукладки накладывать дополнительно 10–15 осколочно-фугасных снарядов, брать с собой ящик патронов, с десятков гранат Ф-1, именуемых «феньками», пару автоматов, немецких или ППШ, на случай, если загорится танк и бой придется вести вне его, в расположении врага.

Я всегда тщательно готовился к бою. Еще с крымских боев носил трофейный пистолет парабеллум, с длинным стволом и двумя обоймами, маленький дамский вальтер и свой, отечественный, безотказный наган. Партийный билет находился в специальном, крепко пришитом изнутри гимнастерки кармане. Поэтому в левый верхний карман, как бы защищая билет и сердце, укладывался вальтер. В широкие голенища кирзовых сапог втыкался наган. Перед самой атакой я расслаблял поясной ремень настолько, чтобы можно было, повернув пояс, разместить парабеллум в сидячем положении между ногами. А то, не дай бог, зацепишься за что-нибудь в танке, если придется выскакивать из горящей машины. «Фенька» укладывалась в зависимости от времени года: летом в карман брюк, зимой в карман телогрейки. Шинели, даже несмотря на сильные морозы, в атаку не одевали.

...Война подходила к концу. Советские войска воевали уже в Германии, завершали разгром немцев в Венгрии, вошли в Австрию и Чехословакию, а в Курляндии продолжала обороняться окруженная крупная немецкая группировка, ликвидировать которую пока не удавалось.

Среди солдат пошел слух о готовящемся наступлении. Хотя они не разрабатывали операции, но по отдельным мелким деталям безошибочно определяли планы командования. Например, вдруг недалеко от переднего края саперы начали строить крупный блиндаж. Такие обычно сооружали только для большого начальства. Потянули дополнительную связь, не на вешках, а под землей. Похоже, что связь ВЧ, а такую ниже как командармам не давали. Появились в районе передовой в телогрейках и новых солдатских шинелях неизвестные люди, как на подбор, солидные, в хромовых сапогах, голоса властные – командирские. Поползали и походили небольшими группками с часок, ушли в лощину за лес, сели в джипы и уехали. Для немца издали – солдаты, а от своих бойцов не скроешь – командование провело рекогносцировку. Зачастили штабные машины, офицеры связи, а когда в расположение частей прибыл член ставки, стало ясно: в ближайшие дни предстоит решительный штурм Курляндии.

Начали отбирать добровольцев для танкового рейда в тыл противника. Задача для других фронтов, где более широкий оперативный простор, может быть, и не такая сложная, а здесь приходилось задуматься.

По замыслу предполагалось отобрать десять танков, посадить на них роту «штрафников» (офицеров, освобожденных из плена), держать их в резерве до тех пор, пока основные силы и средства после мощной артподготовки и авиационной обработки не захватят передние рубежи противника и не выйдут на его артиллерийские позиции. Именно в это время и бросить в прорыв ударную группу танков с десантом, которая, не ввязываясь в бои, на полном ходу должна проскочить восемь километров, захватить мосты и переправу на реке и удержать их до подхода главных сил. «Штрафникам» был обещан возврат офицерских званий и наград, танкистам недвусмысленно намекали о возможности получить, кто останется живой, Героя

Советского Союза и совершенно четко говорили о предоставлении двухнедельного, без учета дороги, отпуска домой. А домой, повидать своих близких, страшно хотелось!

Добровольцы нашлись, в том числе и я изъявил желание... Долго, до хрипоты, спорили, как лучше прорваться к мосту, тщательно, по миллиметрам, изучали по карте маршрут движения, выискивая проходы между заболоченными местами. Наконец приняли решение: в прорыв уйти колонной, отстреливаясь вперед, влево и вправо. Автоматчикам с бортов бить из автоматов по флангам. Мы полагали, что при большой плотности обороны врага час наших действий настанет во второй половине дня, а зимой темнеет быстро, так что развитие событий пойдет в удобное для рейда ночное время. В то же время, если пехота с приданными средствами все же доберется до немецких артиллерийских позиций, на группу прорыва до моста останется 5–6 километров пути по тылам противника, где минных полей быть уже не должно. Бросили жребий, кто за кем пойдет в колонне. Мне выпало быть четвертым.

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги!

Несмотря на мощную артподготовку, массированные бомбардировки авиации, сломить сопротивление противника не удалось. Только к обеду пехота ворвалась в передние траншеи противника. Скрытно продвигаясь за наступающими частями, мы видели и горящие, как свечи, танки и самоходки, и разбросанные здесь и там тела погибших солдат.

То ли нетерпение какого-то крупного командира, то ли ошибка в докладе о выходе пехоты в район артиллерийских позиций, а может, что-либо другое заставило преждевременно бросить в прорыв, скорее не в прорыв, а в атаку нашу танковую группу. Было это около четырех часов дня.

Пошли, как условились, колонной на полном ходу. Взлетел на холм первый танк и тут же на глазах развалился от мощной фугасной мины. Взял влево второй – взрыв от мины показался поменьше, но сорвало башню, и машина загорелась. Круто вправо, стараясь обойти мины, взял курс третий танк, но по башню влетел в болото.

– Васька! По кромке болота и краю холма!

– Понял, командир, – с каким-то чрезмерным, как мне показалось, спокойствием ответил механик, и машина, пробуксовывая на кромке примерзшего болота, пошла, огибая начиненную минами возвышенность.

За холм проскочили два танка. Тяжелые, тридцатипятитонные, Т-34 размесили корку болотной трясины, и следующая, шестая машина пройти уже не смогла.

Сколько ни старался я потом восстановить в памяти хронику развернувшихся за холмом событий, так и не смог. Помнил только, как давил стоявшие за холмом минометы, пушки и их прислугу, в упор расстрелял в капонирах бронетранспортер и тягач. Помнил, как, развернув свою машину, быстро погнал ее к своему второму танку, который к этому времени уже горел. Его люки были закрытыми, но механик-водитель и радист оказались живыми. Я решил подогнать свою машину к горящему танку, прикрываться им от вражеского огня, и пересадить оставшихся в живых танкистов к себе.

Но до конца задуманное сделать не удалось. Вражеская «пантера» все же рассмотрела за горящим танком корму моей машины, и две подряд 88-миллиметровые бронебойные болванки, прорвав около катков баки, влетели в моторную часть и трансмиссию. Танк стоял с наклоном вперед, поэтому огненная лава из пробитых баков стала быстро заливать боевое отделение. Остановить огонь было невозможно: снаряды могли взорваться в любую секунду. Я приказал покинуть машину. Укрылись в немецких окопах, ожидая взрыва и прикидывая пути отхода.

Пока немцы не вернулись на свои раздавленные позиции, уходить удобнее всего было по маршруту, по которому шли сюда. Мин там нет, человек не танк – на замерзшем болоте хоть на животе, но пролезет. На половине дороги остались в болоте танки, которые при необходимости поддержат огнем. Но вот беда: нельзя бросать танк. Несмотря на перебитый болванкой мотор

и полыхающий внутри машины огонь, считалось, что огневая часть его еще цела, и если она чудом сохранится, танкисты обязаны были возвратиться и вести бой до последнего патрона. Иначе трибунал, карающий скоро и строго.

Многие фронтовики помнят сгоревшие в бою танки. Как правило, это сброшенные взрывной волной башни, развороченные бока с зияющими огромными дырами, разбросанные катки и гусеницы.

С нашим танком этого не произошло. То ли днище машины оказалось слабым, то ли по каким-то неизвестным нам законам взрывная волна ударила вниз. Обвалилось днище, выпали остатки мотора, боеукладки, сидений механика и радиста, а внешне танк смотрелся вполне исправным. Даже катки остались целыми, а пушка грозно смотрела во вражескую сторону. Другой танк взорвался, похоронив командира и заряжающего.

Ночью выбрались на свой передний край. Командир стрелковой роты, уже довольно пожилой человек, молча обнял каждого из нас и, смахнув что-то с глаз, сказал:

– Все видел сам, рассказывать не надо. С ротного фланга между двумя холмами хорошо было видно вас, горемычных.

Выпили из запасов ротного найденного им во фрицевском офицерском блиндаже коньяку, помянули добрыми словами погибших, пожелали всем удачи – и в путь, разыскивать свои тылы.

На следующий день меня арестовали. Произошло это буднично и тихо. Вызвали в штаб, приказали снять ремень с пистолетом и погоны, отобрали наган. Документы и награды не тронули, поэтому в левом кармане остался лежать немецкий вальтер.

– Как это вы, бывший лейтенант, целый боевой танк оставили врагу? – как бы даже с теплотой спрашивал капитан из военной контрразведки.

– Во-первых, почему бывший? Меня никто не разжаловал! Во-вторых, не пойму, о каком целом танке идет речь? – отвечал я.

– Не волнуйся, миленький, разжалуют тебя быстро, да и к стенке поставят без проволок, – тем же мягким голосом отвечал капитан. – У нас все уже оформлено. Вот оно, официальное разведдонесение.

За свою короткую жизнь я немало пережил, вытерпел, забыв, что такое слезы, а тут не выдержал – заплакал. Текли они по щекам из закрытых глаз, бессильная ярость клокотала в груди. Понимал, что происходит что-то непонятное, жгуче-обидное, несправедливое.

– Так чем докажешь свою невиновность? – невозмутимо продолжал допрашивать капитан. Я не знал в ту пору о существующей презумпции невиновности, по которой бремя доказывания лежит не на мне, а на следователе. Однако понял, что и здесь без атаки не обойтись.

– Вот ты, – подчеркнуто перейдя на «ты», – сказал я капитану, – меня уже к стенке поставил. Я бы тебя, вертухая, за то, что хотя и считаешься фронтовиком, а сам переднего края еще не видел, в первую очередь к стенке поставил бы. Посмотрел бы на твое состояние, когда ты знаешь, что обвиняют тебя несправедливо. Но не расстрелял бы, а отправил бы потом в окопы рядовым. Может, после этого научился бы верить людям, а не бумаге.

Я говорил, вернее, уже кричал, что машина сгорела, повторяя одно и то же, пока в комнату не вошел моложавый полковник. Капитан тут же принял стойку «смирно». Я понял, что пришел его начальник.

– Лейтенант, если вы правы, вас никто не обидит. Успокойтесь и расскажите, что произошло вчера.

Толково я объяснил, что случилось.

– Чья сводка о танке? – спросил он капитана.

– Авиационного разведывательного корректировщика, товарищ полковник!

– Проверить! Возьмите лейтенанта, солдата из службы охраны и проверьте лично, на передовой.

Вечером того же дня капитан, я (мне вернули только погоны и ремень) и сержант с автоматом двинулись по уже пройденному мною маршруту к передовой. Прибыв в расположение знакомой стрелковой роты, переговорив с командиром и его бойцами, капитан из СМЕРШа понял свою ошибку. Но мои обвинения, видимо, здорово задели его самолюбие. Он все-таки решил проползти ночью по наспех расчищенному от мин коридору на нейтральную полосу и лично в бинокль рассмотреть танк.

Поползли вместе. Перед этим кто-то предложил привязать к ноге каждого крепкую альпинистскую веревку, чтобы с ее помощью, если потребуется, быстро затянуть капитана и меня обратно в траншею. Так и сделали.

Несмотря на сумрачный рассвет, в бинокль хорошо было видно вывалившееся днище танка, стоявшие вкось катки машины, порванные гусеницы. Надо было возвращаться. Капитан дернул свою веревку, его тут же поволокли в траншею. Дернул веревку и я. Широкий кирзовый сапог соскочил с ноги и уехал вслед за капитаном.

«Эх, семи смертям не бывать, а одной не миновать», – подумал я и, размотав мешавшую теперь портянку, бросился бежать к своим. Выстрелов не слышал.

На обратном пути капитан пытался со мной помириться, установить товарищеский контакт, но после перенесенной обиды я отмалчивался или отвечал односложно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.